

нистр иностранных дел Китая был буквально взбешен, когда его журналист в третий раз спросил о судьбе одного китайского партийного деятеля (тот действительно через несколько дней умер). «Вам что, больше не о чем спросить?» Тайна (запрет на дискурс) становится таким же действенным инструментом обозначения власти, как и производство правил организации дискурсов. Однако изучение этих запретов, равно как и семиотики высказываний, способно рассказать о жизни этих структур гораздо больше, нежели можно понять, пытаясь рационально истолковывать заключенное в них содержание.

Деконструкция нормативно-символического пространства идентичности дискурсивного сообщества: потерянный горизонт Другого и власть виртуального*

Щукин Д. А.

Анемия универсального основания моральной оценки заставляет субъекта искать точку отсчета этической системы на границе между дискурсами, в разнице между интерпретативными практиками различных сообществ. Дискурсивное сообщество производит дискурсы внутри замкнутого пространства: возрастной, гендерной, этнической, религиозной, политической статусной или профессиональной группы, цементированной единым габитусом. Нормативно-символические системы, созданные в рамках дискурсивных сообществ, реализуют логику негативной идентичности в стремлении отличить себя от других групп. Данное утверждение доказывает тот факт, что установления, обладающие запретительным характером, то есть осуждающие поведение стороннего субъекта, как правило, превалируют над собственно позитивными императивами. Нормативно-символическое основание является максимально эффективным с точки зрения поддержания устойчивой групповой динамики,

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ (Проект № 12-03-00420).

так как степени отторжения Других позволяет дискурсивной системе регулировать близость взаимодействия субъектов, меняя и преобразовывая значение маркеров идентичности.

Вместе с тем, изменение характера коммуникации между субъектами, появление виртуальных сообществ и массового информационного общества неизбежно ведет к постепенной деградации традиционной коммуникативной модели. Виртуальные сообщества позволяют любому субъекту сконструировать для себя новое поле взаимодействий, которое имеет ряд специфических черт. В частности, в рамках виртуального поля совершенно иным представляется процесс нормативно-символической идентификации и иначе реализуется процесс выстраивания субъектом собственной самости.

Обычный набор направлений идентификации субъекта оказывается изолированным с точки зрения реального процесса взаимодействия. Он, безусловно, продолжает влиять на поступки виртуального индивида, однако для других пользователей процедура принятия субъектом каких-либо решений, имеющих в основании его социокультурные характеристики, оказывается скрытой. Религиозный, этнонациональный, идеологический, политико-культурный, социально-демографический факторы воздействуют на характер самопозиционирования индивидов, механизм принятия ими решений и непосредственно процедуру общения весьма ограничено, зачастую, в связи с отсутствием достаточной информации по данным направлениям идентификации. Впрочем, отбросив излишнюю социологичность, мы можем выделить следующую основную особенность пространства интеракции: она направлена на построение новой модели «мира без Другого».

Перевод латинского термина *virtualis* словом «возможный» изначально определяет любые рассуждения о виртуальности в контексте расширения экзистенциального потенциала отдельного субъекта или социального тела¹. Виртуальность в широком смысле может быть определена как альтернативный проект, реализация которого в рамках материальной сферы существования социума имеет не слишком много шансов на успех. Инновационные коммуникационные структуры, являясь эффективными агентами мифотворчества, могут сконструировать уникальные системы обстоятельств, которые позволяют придать подобным проектам завершенную форму.

¹ См.: Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

Примеры успешной реализации виртуальных проектов — виртуальные сообщества, утвердившие свою фактическую гегемонию на просторах глобальной сети.

Говард Рейнголд определяет виртуальные сообщества следующим образом: «Социальные агрегации, которые возникают в сети, когда достаточное количество людей в течение длительного времени принимают участие в публичных дискуссиях, испытывая необходимые человеческие эмоции для формирования паутины личностных взаимоотношений в киберпространстве»¹. Впрочем, подобное определение, достаточно широко цитируемое как в научной, так и в научно-популярной литературе, учитывает только выявленные в результате аналогизации формальные признаки и игнорирует онтологический аспект функционирования виртуальности.

Виртуальный индивид лишен телесности, он представлен как текст со всей тотальностью, что, впрочем, весьма оправданно в условиях господствующей культуры постмодерна. Сами свойства сетевого инструментария — наборы букв и цифр — переносятся на характер общения. Индивиды определенным образом «прочитывают» друг друга, взаимопроникая в формализованные в виде текстов дискурсивные структуры².

Разрыв между субъектами предстает в искаженном виде. Повышение интенсивности коммуникации благодаря новым информационным технологиям лишь вводит в заблуждение, по сути интенсифицируя и без того стремительный процесс увеличения социальной дистанции между индивидами и приводя к атрофии дильтеевского *revivre* как способности понимать *Другого*³. Более того, можно говорить о том, что сам *Другой* пусть не стерт, но затерян.

Другой — не субъект и не объект, как пишет Жиль Делез, он существует до взгляда, он, словно кантовская категория, структурирует символическое пространство. Основная задача другого — избавить от страха одиночества, который неминуем, как только субъект замечает наличие разрывов в информационных потоках, а ин-

¹ Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier // The WELL: the birthplace of the online community movement. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.well.com/user/hlr/vcbook/> (дата обращения: 05.01.2011).

² См.: Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

³ См.: Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетей, 1996.

тенциональность оказывается недостаточной силой, для того чтобы собрать мир воедино. *Другой* формирует плавность перехода, некоторую область «бокового зрения», дающую интуитивную «эрудицию». Субъект знает, что за его спиной что-то существует. Пусть он сам лишен возможности увидеть то, что находится вне поля его видения, это может сделать *Другой*. «*Другой* обеспечивает в мире кромки и переносы. Он — нежность смежности и сходства. Он регулирует преобразования формы и фона, изменения глубины. Он препятствует нападениям сзади»¹. Помимо этого, он является стражем ворот в царство потенциальностей, указывая на упущенные субъектом возможности и воплощая в себе его желания.

Другой в виртуальном пространстве слит с фоном, от которого должен отделяться при непосредственном воздействии взгляда, его текст теряется в бесчисленном количестве иных текстов. Это в первую очередь вредит логике перехода — она хаотична. Потoki восприятия при мгновенном перемещении с ресурса на ресурс путаются, не обладают внутренней связью друг с другом. Именно подобная дискретность отсутствует в вещественном мире благодаря *Другому*.

Виртуальное пространство построено на принципах синхронности, вседоступности, преодоления временных преград. Отсутствие будущего настоящего для человеческого существа предполагает распад темпоральности. Скорость передачи информации настолько велика, что власть времени как изначального гегемона, Хроноса, который пожирает своих детей, практически незаметна. Информация не подвержена тлению, она либо актуальна, либо нет. *Другой* в этих условиях исчезает как постоянное напоминание об упущенных возможностях, в свою очередь, нивелируя временной фактор.

Виртуальное сообщество может обладать бесконечным набором структур, схем управления. В этом смысле возможность никогда не может быть упущена. В случае необходимости оно динамично меняется, в ситуации кризиса — распадается без серьезных последствий. Что важнее, одному субъекту доступен целый спектр сообществ, которые не взаимосвязаны между собой. Виртуальный индивид имеет возможность свободно переходить из состояния анонимности в состояние своего *аватара*, свободно конструируемого исходя из собственного желания субъекта. Виртуальное сообщество

¹ Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб.: Амфора, 1999. С. 285–286.

словно иллюстрирует хайдеггеровскую фундаментальную онтологию: субъект всегда сам определяет свою сущность, и этот процесс определения никак не связан с существованием *Другого*¹.

Негативный аспект наличия подобной множественности *аватаров* одного субъекта заключается в том, что социальный капитал из одного сообщества не может быть перенесен в другое. Вместе с тем, именно это позволяет виртуальному индивиду многократно углубить свое поле идентификации за счет формирования статусности в каждом отдельном сообществе, а также гарантировать собственную свободу, изолированность различных *аватаров* друг от друга. Пожалуй, именно это в значительной степени обуславливает высокую степень популярности и актуальности виртуальных сообществ в современном мире.

Субъект — словно Робинзон в романе Даниэля Дефо или, скорее, Мишеля Турнье, оказавшийся на острове в полном одиночестве². Техника восприятия *Другого* при нахождении в этом пространстве постепенно отмирает, заменяясь техникой «скорописи» и «быстрочтения». Казалось бы, исчезновение одного из основных механизмов структурирования мира не может не привести к последствиям весьма плачевным, однако практика функционирования глобальной сети доказывает обратное, как и слова Делеза о том, что «деструктурирование *Другого* — отнюдь не дезорганизация мира, но организация стоячая в противовес организации лежачей, распрямление»³.

В связи с существованием иерархизированной, жесткой структуры управления в сообществе, виртуальный индивид, помимо стандартного набора уже обозначенных направлений социализации и идентификации, обнаруживает новое поле самоопределения. В Интернете его права и обязанности регламентированы, а его статус формируется на основе чисто количественных показателей — количестве сообщений, положительных отзывов. Большинство сообществ имеют системы «званий», «рангов», «рейтингов». Данные системы в наибольшей степени определяют социальный капитал индивида внутри сообщества⁴. Нельзя сказать, что они

¹ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.

² См.: Дефо Д. Робинзон Крузо. М.: АСТ, 2010; Турнье М. Пятница... СПб.: Амфора, 1999.

³ Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница... С. 293.

⁴ См.: Бурдьё П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Издательство НГУ, 1995.

имеют своей целью определенную стигматизацию субъекта, для этого они слишком конкретны. Распрявление организации за отсутствием *Другого* оказывается выстраиванием нового порядка на основании типов и подгрупп, но формализация, которая в вещественном мире угрожала бы свободе субъекта, преодолевается существованием бесконечного множества самих сообществ. Это фактически революция, ценностный переворот. Утверждается новый принцип оценивания, который в полной мере демонстрирует альтернативность виртуального проекта по отношению к устоявшейся социальной системе.

В романе Турнье Робинзон, встретив Пятницу, «обращается с ним то как с жалким подобием, рабом, которого пытается вовлечь в экономический распорядок острова, то как с таинственным фантазмом, владельцем нового секрета, который порядку угрожает». Подобная логика восприятия воспроизводится в виртуальном сообществе: оно наполнено огромным количеством символических идентификаторов, маркеров, идеалов, пантеонов, даже собственных «форм жизни», включая так называемых ботов, которые претендуют на полноправное участие в интеракции, не будучи людьми, и бескрайние поля мифологем. В романе Турнье Робинзон, потеряв практику восприятия *Другого*, «поднимается на поверхность», осваивая силу стихий, то есть узнает о существовании мифологизированной реальности, ощущая свою абсолютную близость той гармонии, которая внутри этой реальности явлена.

Любое виртуальное сообщество, как правило, обладает достаточно четкой символической логикой и снабжено набором «мифов и традиций». Оно является воображаемым: так или иначе, в его рамках существует собственная воображаемая история, набор постулируемых принципов функционирования¹. В рамках подобной мнимой общности удаётся достичь сплочения людей на основании вымышленной идентичности. Безусловно, с ходом времени конструируемая совокупность характеристик все в большей степени обретает социальную реальность, однако изначально она выступает, скорее, как потенция. Мнимая общность отличается анонимностью ее членов. Пожалуй, именно это ее свойство может помочь разобратся в ее конструктивном значении для идентичности субъекта и

¹ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

его группы. Воображаемое сообщество не вызывает отторжения, потому что в его рамках ввиду анонимности практически не существует *Другой*. Конечно, виртуальный индивид постоянно встречается с другими представителями общности, однако их взаимосвязь реализуется не напрямую, а при посредничестве мнимой общности, где каждый уже не важен как самостоятельный субъект. Свойство анонимности распространяется на символы воображаемого сообщества. Даже в мире вещей братская могила носит «имя» Неизвестного солдата.

Здесь возникает столкновение разных граней процесса виртуализации, связанное со сложностями построения идентичности субъекта. Особенности виртуального сообщества дают ему возможность выстроить систему самопонимания и ценностную разверстку в определенной степени в обход классической формулы «мы-они». Проблема заключается в том, что виртуальное, по сути своей, не может вместить в себя субъекта целиком, к примеру, оно принципиально асексуально, а следовательно, сексуальность захватывает вещественный мир еще более концентрированно.

Виртуальный индивид, лишенный другого, попадает в воображаемое сообщество, ранее выстраивавшееся на основании поиска врага. В случае мнимых общностей подобную логику удастся преодолеть, но преодоление неминуемо ведет к забвению тех практик, которые позволяют общаться с *Другим*. Что симптоматичней, власть подобного забвения выходит за пределы виртуального пространства. А ведь навык общения с *Другим* позволяет контролировать потоки агрессии, осуществлять, пусть и не в полной мере, контроль над фрустрацией.

Именно этот тезис отстаивает Бодрийяр, когда пишет о том, что современный человек все более погружается в мир медиа, все меньше верит в действительность происходящего¹. Социальная дистанция между индивидами стремительно увеличивается, заставляя индивида сомневаться, что другой так же реален, как он сам.

Ортега-и-Гассет, философ-провидец, характеризовал социальное поле реальности как некую разобщенность, в которой действуют силы взаимоотрицания и взаимоотталкивания, идет непрекращающаяся борьба между созидающими и разобщающими трендами.

¹ См.: Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Находясь в перманентном стремлении казаться чем-то иным, общество, «по существу, реальность больная, ушербная»¹.

Виртуальное сообщество, в свою очередь, стремится стать противоположностью такой разобщенности, «потерянным горизонтом», страной Шангри-Ла, описанной Джеймсом Хилтоном², где мир, наконец, лишается того лишнего, что удваивает его, противореча правилу «бритвы Оккама»: «Истинный дуализм... между последствиями «структуры Другого» в поле восприятия и последствиями его отсутствия (тем, чем было бы восприятие, если бы не было другого)»³. Существование утопии — места, которого нет, — базируется на двух предпосылках: она изолирована от других реальностей, а любое желание субъекта может быть удовлетворено благодаря наличию бесконечных ресурсов. Но стоит этим предпосылкам исчезнуть, и окажется, что только виртуальный индивид, представленный со всей тотальностью, лишь напоминающий реального человека, и может жить здесь.

Виртуальное сообщество не может удовлетворить все желания субъекта, потому что, как уже было упомянуто, часть структуры субъекта не вписывается в рамки интеракции. «Зов телесного» постоянно возвращает индивида в реальный мир, лишая виртуальное пространство необходимой изолированности. Статус врага в виртуальном пространстве обретает лишь тот, кто, как и субъект, целиком этому пространству не принадлежит, выходит за его рамки. Но в реальном мире деградация навыков коммуникации, как со *Своим*, так и с *Чужаком*, приводят к тому, что индивид все в меньшей степени способен совладать со своими импульсивными стремлениями, а изначальная враждебность становится неуправляемой и зачастую преодолевает внутреннюю границу «Чужого мира», которому скорее должна принадлежать⁴.

Вероятно, подобная раздвоенность субъекта должна внести некоторые коррективы в методологию анализа социального пространства. Фатальность удвоения менее значима, чем, к примеру, фатальность общего символического хаоса, с которым в начале XX века

¹ Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. С. 697-698.

² См.: Хилтон Дж. Потерянный горизонт. М.: АСТ, 2008.

³ Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница... С. 288.

⁴ Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. Философско-литературный журнал. 1994. № 6. С. 77-94.

пришлось столкнуться европейской культуре, однако не стоит оставлять без внимания очевидную корреляцию между атомизированностью человека и постепенной потерей им навыков интеракции с *Другим*. Субъект в стремлении устранить собственных двойников выстраивает пространство, лишённое Другого, но лишённый фона паттерн его идентичности распадается и оставляет субъекта наедине с оголенной свободой, которая фактически противоречит его экзистенциальной структуре.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
3. Бурдье П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Издательство НГУ, 1995.
4. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. Философско-литературный журнал. 1994. № 6.
5. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб.: Амфора, 1999.
6. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
7. Дефо Д. Робинзон Крузо. М.: АСТ, 2010; Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб.: Амфора, 1999.
8. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.
9. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997.
10. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
12. Хилтон Дж. Потерянный горизонт. М.: АСТ, 2008.
13. Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier // The WELL: the birthplace of the online community movement [Электронный ресурс]: URL: <http://www.well.com/user/hlr/vcbook/> (дата обращения: 05.01.2011).